

Недописанная книга Валентина Кривича

А.В. Лавров

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)

С.-Петербург

Валентин Иннокентьевич Анненский (1880–1936) изобрел себе литературный псевдоним по внешней необходимости – во избежание идентификации с отцом решил избранным именем обозначить связь с исконными родовыми местами – Смоленской губернией (кривичи, восточно-славянские племена, расселялись во второй половине 1-го тысячелетия от Рождества Христова на этой территории), в позднейшей автобиографии (1927) подчеркивал: «...вся моя жизнь, физически и морально, – а в частности и в линии творчества – тесно связана с <...> двумя исключительно милыми сердцу точками земного шара – Смоленщиной и Детским Селом».¹ Насущной же потребности в псевдониме на самом деле не возникало, поскольку по силе и своеобразию творческой индивидуальности Валентин Анненский был с Иннокентием Анненским несопоставим. Как поэт Кривич оставался в тени своего отца, примыкал скорее к плеяде стихотворцев, возросших после смерти мастера под его крылом: «От отца он унаследовал и некоторые навязчивые темы (например, похорон) и внимание к серым, мглистым петербургским сумеркам <...>».² Как личность – воспринимался по контрасту с отцом: и чем более высокое место в восприятии и оценках современников уделялось отцу, тем более уничижительным рисовался образ сына.

В этом отношении особенно показательны оценки, исходившие от Ахматовой. Наблюдавшая Иннокентия Анненского в основном издали в своем царскосельском детстве-отрочестве и всю жизнь преклонявшаяся перед его поэзией, она лелеяла возвышенные и во многом мифологизированные представления о нем – и на таком фоне беспощадно резкими становились ее суждения по адресу Валентина Кривича. П.Н. Лукницкий зафиксировал ее слова: «Кривич был директорским сынком, которого перетаскивали из класса в класс только потому, что учителя боялись ставить ему

1 РГАЛИ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 3.

2 Роман Тименчик, «Четыре забытых поэта», *Родник* (Рига), 1988, №3, стр. 24.

дурные отметки. Это был представитель определенного типа царскоселов дореволюционного времени – тип фата, чванного, флиртующего, в мундире, и безмозглого кретина (АА выразилась все же несколько мягче). А сейчас – сторож при архиве Анненского, жалкий, облезлый, ничтожный человек, совсем не старый по годам, но уже совершенно разрушающийся» (12 апреля 1925 г.); «Лет через 50 скажут: “У Анненского был неудачный сын”. Это будет единственная строчка о Кривиче, которую можно будет найти в истории литературы» (9 июня 1925 г.).³ Пристрастность этих оценок очевидна, а в фактической достоверности сообщаемого позволительно усомниться: только на позднейших сплетнях и слухах могли основываться высказывания о Кривиче-гимназисте (он окончил Николаевскую царско-сельскую гимназию в 1899 г., когда Ахматовой было десять лет, связей же между ее родителями и семейством Анненских не прослеживается). Как бы ни были несоразмерны дарования отца и сына, все же Валентин Кривич оставил свой скромный след в истории русской поэзии⁴ – главным образом благодаря единственному изданному сборнику стихов *Цветотравы* (1912), – след, который, возможно, стал бы более заметным, если бы в советские годы автор этого сборника имел более благоприятные возможности для самовыражения.

Печатавшийся с 1902 г., Валентин Кривич вращался в довольно широком кругу литературных знакомых – выступал на поэтических «Вечерах Случевского», посещал собрания у А.А. Кондратьева (где, в частности, виделся с А. Блоком),⁵ бывал на заседаниях Общества ревнителей художественного

3 П. Н. Лукницкий. *Аси́тиана. Встречи с Анной Ахматовой*. Том 1. 1924–1925 гг. (Paris: YMCA-Press, 1991), стр. 125, 181.

4 В словаре *Писатели современной эпохи* (Том 1, Москва, 1928) была помещена статья о Кривиче, написанная Д.С. Усовым; авторство установлено Т.Ф. Нешумовой на основании письма Усова к Е.Я. Архиппову (зима 1926 г.). См.: *Писатели современной эпохи. Био-библиографический словарь русских писателей XX века*. Том 1. Редакция Б.П. Козьмина (Москва: ДЭМ, 1992), стр. 154; Дмитрий Усов. «Мы сведены почти на нет...» Составление, вступ. статья, подготовка текста, комментарии Т.Ф. Нешумовой. Том 1. *Стихи. Переводы. Статьи* (Москва: Эллис Лак, 2011), стр. 521.

5 См.: «Письма Валентина Кривича к Блоку». Предисловие, публикация и комментарии Р.Д. Тименчика, *Литературное наследство*. Том 92. *Александр Блок. Новые материалы и исследования*. Кн. 2 (Москва: Наука, 1981), стр. 315–323.

слова.⁶ Особенно тесно общался Кривич с литераторами-царскоселами, и из них ближе всех – с Э.Ф. Голлербахом, который одно время был его соседом по дому. В своей известной царскосельской апологии, книге *Город муз* (1927), посвященной «памяти Иннокентия Федоровича Анненского», Голлербах уделил внимание и живому носителю этой памяти: «И не только наследие поэта, но и весь строй его души остался здесь, охраняемый и сберегаемый другим поэтом, близким ему двойным родством – духовным и кровным: в Анненском-Кривиче прочно связались в единое целое хорошие литературные традиции, сокрушительное острословие, “вечера Случевского” и ранний “Аполлон”. (Наперекор Хроносу, отпустившему ему уже полвека, сохранил он сочность чувств и военную выправку, – опекун рукописных писателей, амфитрион литературных чаепитий, кладезь анекдотов и рог сатирического изобилия, энтузиаст русского слова и верный блюститель “заветов милой старины”).⁷ В этом мадригале, сообразно законам жанра, малое представлено крупным и значительным: указание на «ранний “Аполлон”» на деле подразумевает одну небольшую стихотворную публикацию и три «заметки о русской беллетристике» Кривича, появившиеся в 1909 г. в первых трех номерах *Аполлона*, вышедших в свет или сформированных еще при жизни И.Ф. Анненского; после кончины отца сын редакцией журнала не был вновь востребован. В книжечке стихотворных посланий *Портреты* Голлербах поместил и свое приветствие сыну Иннокентия Анненского, в котором последний, «автор “Тихих песен”» и хозяин «кипарисового ларца», опять же, заслоняет первого:

Валентину Кривичу

В старинном Вашем кабинете,
В мерцанье люстры розоватом
Портретов сумрачны черты.
Все тонет в мягком полусвете
И возвращают мысль к утратам
Альбома желтые листы.
Напев разбитого рояля

⁶ Представление о литературных контактах Кривича можно составить по его альбому, включавшему записи Ф. Сологуба, В.Г. Короленко, А.М. Ремизова, Н.С. Гумилева, М.А. Волошина и др. См.: *Литературная тетрадь Валентина Кривича*. Составление, подготовка текста, вступ. статья и комментарии Э. Гимпельевич (С.-Петербург: Серебряный век, 2011).

⁷ Э. Голлербах. *Город муз. Царское Село в поэзии* (С.-Петербург: Арт-Люкс, 1993), стр. 189–190.

Колышет рой воспоминаний,
 Мелькают тени за окном...
 В наполеоновском бокале
 Слегка поблекшие герани
 Склоняют стебли над столом.

Стихи в ларце из кипариса,
 Часы с качающейся лирой,
 Подковы, трубки и фарфор.
 Внимая звукам экзерсиса,
 Пьем чай, невинною сатирой
 Переменяя чинный спор.

Пусть в этой жизни света мало,
 Пусть неприветен мир и тесен,
 Но нам поет созвучий рать...
 Из спальни слышен голос Лалы, —
 Не сам ли автор «Тихих песен»
 Ее укладывает спать?..

6 авг. 1926 г.⁸

Среди близких Э.Ф. Голлербах преобладало доброжелательное и сочувственное отношение к В. Кривичу, о чем свидетельствуют, в частности, записи Л.А. Голлербах (вдовы Л.Ф. Голлербаха, старшего брата Эриха Федоровича):

... Валентин был богаче и своеобразнее, больше высказывался в беседах и общении, чем в своих произведениях, да и весь строй и быт Анненского был каким-то невиданным островом на фоне советского океана. <...> Революции Валентин не признал, не изменился, не применился, ни к чему не приспособился и до конца

---

8 Э. Голлербах. *Портреты*. Изд. 2-е, доп. (Ленинград, 1930), стр. <25>. Переиздано в кн.: Евгений Архиппов. *Рассыпанный стеклярус*. Составление, подготовка текста, статья и комментарии Т.Ф. Нешумовой. Том II. *Письма* (Москва: Водолей, 2016), стр. 329; *Царскосельская антология*. Составление Б.А. Чулкова при участии А.Ю. Арьева. Вступ. статья, подготовка текста и примечания А.Ю. Арьева (С.-Петербург: Изд-во Пушкинского Дома – Вита Нова, 2016), стр. 258. «Часы с качающейся лирой» – образ из стихотворения И.Ф. Анненского «Лиры часов» (1907): «Найдется ль рука, чтобы лиру // В тебе так же тихо качнуть». В очерке «Иннокентий Анненский по семейным воспоминаниям и рукописным материалам» Кривич поясняет: «Эти старые, темно-красные, в форме лиры и с маятником лирой часы и сейчас мерно стучат на стене соседней комнаты». – *Иннокентий Анненский глазами современников*. Составление, подготовка текста Л.Г. Кихней, Г.Н. Шелогуровой, М.А. Выграненко (С.-Петербург: Росток, 2011), стр. 51. Лала – Елена Валентиновна Анненская (1922–1976), дочь Кривича и его второй жены Елены Александровны Анненской.

дней сохранил тот широкий барский размах, к которому привык с детства. <...> Работал он не то мелким конторщиком, не то рассыльным в каком-то медицинском учреждении и другого не хотел. <...> Валентин Иннокентьевич действительно и во всем был барином старых времен: большой эрудит в области литературы русской и иностранной и тонкий ценитель искусства всякого рода, он в совершенстве владел давно исчезнувшим искусством изящно-остроумной “causerie”, а кроме того и сам был замечательным рассказчиком: какой-нибудь пустяковый и совсем неинтересный с виду случай обращался у него в замечательнейший эпизод, полный юмора и наблюдательности. <...> Дом Анненских был последним литературным салоном Царского Села.⁹

Как можно судить даже по этой почти восторженной аттестации, в личности Валентина Кривича преобладали такие черты – «барство», склонность к болтовне, к легкомысленным словесным импровизациям, – которые едва ли могли способствовать сосредоточенному и ответственному труду. Кривич вполне осознавал ту миссию, которая легла на него как на наследника великого поэта – наследника, имеющего единоличное право работать с его архивом и распоряжаться им, но к надлежащему исполнению этой миссии, похоже, не был готов. Выпустив в свет в 1910 г. «Кипарисовый ларец», искаженный его собственными текстологическими решениями относительно состава и композиции, он не сумел воспользоваться относительно благоприятными издательскими условиями ближайших последующих лет и лишь при новом режиме, в 1923 г. опубликовал сборник «посмертных стихов» Анненского. Между тем посмертная слава поэта нарастала. В том же 1923 г. в Москве сформировалось литературное объединение «Кифара» имени Иннокентия Анненского, в котором состояли Арсений Альвинг, Д.С. Усов, Л.В. Горнунг, Б.В. Горнунг, М.М. Кенигсберг и многие другие;¹⁰ в числе иногородних участников был приглашен, разумеется, и Валентин Кривич, на которого возлагались самые большие надежды в плане освоения творческого наследия поэта. Энтузиазм участников объединения – впрочем, никакой печатной продукцией о себе не возвестившего, – мог

9 Эрих Голлербах. *Встречи и впечатления*. Составление, подготовка текста и комментарии Евгения Голлербаха (С.-Петербург: Инапресс, 1998), стр. 463.

10 См. статью Р.Д. Тименчика «К истории культа Анненского», в его кн. *Подземные классики. Иннокентий Анненский. Николай Гумилев* (Москва; Иерусалим: Мосты культуры – Гешарим, 2017), стр. 150–152, а также: Анатолий Марков. *Магия старой книги. Записки библиофила* (Москва: Аграф, 2004), стр. 298–299. Перечень членов «Кифары» приводится в письме Д.С. Усова к Е. Я. Архиппову от 12 февраля 1924 г. – Дмитрий Усов. *«Мы сведены почти на нет...»*. Том 2. *Письма*, стр. 210–211.

дополнительно стимулировать Кривича к исполнению своих обязательств как держателя архива и потенциального мемуариста.

Кривич предпринял попытку напечатать в издательстве «Круг» сборник статей Анненского, опубликованных ранее в периодике. «Статьи, сюда входящие, – писал он руководителю «Круга» А.К. Воронскому, – действительно почти никому не известны, – во всяком случае, $\frac{3}{4}$ их. <...> На некоторые – давние – тексты Анненским были нанесены в позднейшее время кой-какие изменения – в сборник включаются, конечно, именно эти редакции. <...> Сборник снабжен небольшим предисловием и примечаниями к статьям <...>».¹¹ Издание в «Круге» не состоялось, не удалось его осуществить и в Государственной Академии Художественных Наук (ГАХН).¹² В автобиографии, датируемой октябрём 1927 г., Кривич «в качестве продукции последнего десятилетия» указал: «Собрание – “Книга статей Инн. Анненского” (статьи, не вошедшие в “Книги отражений”, с 1890 г.), с предисловием и примечаниями (приготовлена к печати)».¹³ В той же автобиографии и в том же качестве он упомянул свою «работу “Иннокентий Анненский по семейным воспоминаниям и рукописным материалам” (часть I – в 3-м сб<орнике> “Литературн<ая> мысль”, изд. “Мысль”; часть II – в рукописи; “Приложение” – в работе)».

Упомянутая под указанным заглавием мемуарная публикация¹⁴ Валентина Кривича не нашла тогда печатного продолжения. С чтением начальных фрагментов своих воспоминаний об отце Кривич выступал в узком

11 А.К. Воронский, «Из переписки с советскими писателями». Вступ. статья и публикация Е.А. Динерштейна, *Литературное наследство*. Том 93. *Из истории советской литературы 1920–1930-х годов. Новые материалы и исследования* (Москва: Наука, 1983), стр. 604.

12 19 сентября 1925 г. Д.С. Усов писал Е.Я. Архиппову: «Валентин Иннокентьевич входит с заявлением в Академию Художественных Наук об издании третьей книги статей И.Ф. Мне придется по этому поводу выступать с “объяснением” в Ред<акционном> Комитете». – Дмитрий Усов. «Мы сведены почти на нет...». Том 2, стр. 342. Он же предлагал Кривичу (6 сентября 1928 г.) «прислать заявление в редакционно-издательскую часть ГАХН на ту тему, что Вы предлагаете к изданию III-ю книгу статей И.Ф. Анненского, не вошедших в “Книги отражений” и напечатанных в различных повременных и большей частью трудно доступных изданиях» (*Там же*, стр. 526), – но и на этот раз книга не вышла в свет – из-за закрытия ГАХН в 1931 г.

13 РГАЛИ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 3.

14 *Литературная Мысль*. Вып. 3 (Ленинград: Мысль, 1925), стр. 208–255. Переиздание: *Иннокентий Анненский глазами современников*, стр. 41–84.

кругу на своей царскосельской квартире.¹⁵ В среде почитателей Анненского его опубликованный очерк был встречен без особенного энтузиазма. «Воспоминания Кривича все-таки *надо* иметь, каковы бы они ни были, – писал Д.С. Усов Е.Я. Архиппову 12 января 1925 г., высылая ему «Литературную мысль». – “Мочалообразное” изложение <...> вполне сохранено и здесь. Всевозможные оговорки, ограничения, подходы и т. п. И все же, все же...».¹⁶ Раскрытия сокровенных глубин творческой природы поэта от мемуарного повествования Кривича «анненианцы»-«кифареды» не ждали, но были благодарны автору за сообщение каких-то драгоценных деталей и подробностей, сохраненных в его памяти, пусть и представленных в заведомо огрубленном, примитивизированном виде. И если Вс. Рождественский отзывался о Кривиче достаточно сдержанно: «Мне обидно, что В.И. не тонко сделан»,¹⁷ – то Усов, описывая в подробностях первый визит к нему (в письме к Архиппову, апрель 1925 г.) в своих оценках был совершенно беспощаден: «Валентин Иннокентьевич Анненский – вульгаризованное внешнее повторение своего царственного фамильного прототипа; он – недостойный хранитель Кипарисового Ларца, нерадивый душеприказчик Анненского и неудачный его сын».¹⁸ Последующие отзывы Усова о Кривиче только подтверждали впечатления от первой встречи: «Валентин был в последние дни совершенно ужасен и невозможен в своей предельной вульгарности, которую он уже не прятал, а показывал нараспашку» (письмо к Архиппову от 19 сентября 1925 г.); «сын <...>, хранящий архив отца, как собака сено!» (письмо к Э.Ф. Голлербаху, 26 января 1932 г.).¹⁹ Даже

15 Сохранились его недатированные письма с приглашением на чтение к Ф. Сологубу («Магазейная, 14, кв. 1. Пятница. Сегодня вечером (ч. в ½ 9–9) я предполагаю прочесть нескольким добрым друзьям первые главы своих “Воспоминаний об Инн. Анненском”». – ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 364) и П.В. Быкову – РНБ. Ф. 118. Ед. хр. 498.

16 Дмитрий Усов. «Мы сведены почти на нет...». Том 2, стр. 293.

17 Письмо Всеволода Рождественского к Д.С. Усову, полученное 4 июня 1926 г., цитируется в комментариях Т.Ф. Нешумовой (*Там же*, стр. 310).

18 *Там же*, стр. 308–309. В ходе своего посещения Детского Села Усов выступил на приватном собрании в квартире Кривича с докладом об Анненском. 9 апреля 1925 г. Э.Ф. Голлербах сообщал Иванову-Разумнику: «Вчера я имел удовольствие прослушать работу Д.С. Усова об И.Ф. Анненском. Пахнуло настоящей, хорошей Москвой, – Трубецкими, Булгаковым, Вяч. Ивановым. – Точно не вчера, а десять лет назад. Странно и грустно. – Кривич, наверное, подробно расскажет Вам о докладе Усова. Я думаю, ему, как и мне, доклад доставил большую радость (но по-разному)». (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 253).

19 Дмитрий Усов. «Мы сведены почти на нет...». Том 2, стр. 343, 580.

Э.Ф. Голлербах, близко знавший Кривича и одно время готовый видеть в нем всевозможные достоинства, все же констатировал «крушение давней дружбы» и высказался с предельной откровенностью: «Никогда особенно не обольщался его духовными качествами, видя в нем всего только бледную и карикатурную тень его замечательного отца (который, кстати сказать, относился к своему детищу довольно иронически) <...> всю свою жизнь В.И. паразитировал и духовно, и материально на имени своего отца. <...> потенциально Вал. Ин. все-таки даровитый человек, интересный и остроумный собеседник, “компанейская” натура. Ему вредит его хлестаковство, его пошловатость, о которой он, в силу своей наивности, и не подозревает».²⁰

Опубликовав первую часть воспоминаний в сборнике *Литературная Мысль*, Кривич в последующие годы предпринимал попытки выпустить свою книгу об отце отдельным изданием. Предварительная договоренность об этом с издательством «Academia» была пресечена И.И. Ионовым, совмещавшим там функции руководителя и идеологического надсмотрщика. 26 ноября 1930 г. Кривич сообщал Архиппову: «Печатание моей книги об Анненском, совершенно решенное в фактической редакции «Academii», провалилось у самого конечного пункта, т.е. у верховного жреца издательства: Ионов предложение редакции отверг: “Кто это Инн. Анненский? Нет, это не стоит, не интересно!”».²¹ Впрочем, договариваясь с рядовыми сотрудниками издательства, готовыми печатать книгу об И.Ф. Анненском, Кривич еще не готов был представить полный и законченный текст этой книги – его не существовало. Год спустя Архиппов интересовался в письме к Кривичу (13 декабря 1931 г.): «Как работа Ваша над воспоминаниями об Иннокентии Федоровиче», – почти дословно со своим же письмом к нему от 13 декабря 1928 г.: «Как Ваши воспоминания об Иннокентии Федоровиче?».²²

20 Письма Э.Ф. Голлербаха к Е.Я. Архиппову от 30 ноября 1933 г. и от сентября 1935 г. – Евгений Архиппов. *Рассыпанный стеклярус*. Том II, стр. 477, 510–511. Ср. запись П.Н. Лукницкого о корреспондентке И.Ф. Анненского Е.М. Мухиной (30 ноября 1925 г.): «О Валентине Кривиче она отзывалась очень неблагоприятно <...>. Считает его неумным и бездарным». – П.Н. Лукницкий. *Asimiana. Встречи с Анной Ахматовой*. Том I, стр. 285.

21 Приведено в комментариях Т.Ф. Нещумовой в кн.: Евгений Архиппов. *Рассыпанный стеклярус*. Том II, стр. 344.

22 Там же, стр. 370, 293.

Еще одна возможность напечатать книгу об Анненском замаячила перед Кривичем благодаря его контактам с литературоведом Павлом Николаевичем Медведевым (1892–1938), занимавшим ответственный пост в Ленинградском отделении Госиздата. О посещении Медведевым летом 1928 г. царскосельского «салона» Кривича свидетельствует Усов.²³ Медведев был авторитетным специалистом по А. Блоку, первым издателем его дневников и записных книжек; в отличие от Ионова, он хорошо знал, кто такой Иннокентий Анненский и, конечно, готов был содействовать публикации воспоминаний Кривича. Последний направил ему следующее письмо:²⁴

10/1 33.

Дорогой Павел Николаевич.

Набрал схему моей работы об Анненском. Прилагаю ее. Простите за внешний вид ее и этой записки: пишу в Институте.

Данные, кот<орые> Вы в схеме моей найдете, дадут довольно определенные представления о том материале, кот<орый> мною в работу влагается.

Без излишней скромности позволю себе сказать: он очень неплох.

Проглядев эту схему, Вы будете – как теперь выражаются – «более подкованы» в разговоре с Казаковым.²⁵

Вы не раз говорили весьма лестные для меня слова по поводу той части, кот<орая> была опубликована. Но ведь тот период – был менее интересен: там ведь были только, т<ак> сказать, «подходы» к тому Анненскому, который выявился в царскосельские годы...

В этой части работы, – не говоря уже о самом центре темы, т.е. выявлении мыслей и установок самого «Инн<окентия> Анн<енского>» – есть немало мест, имеющих безотносительную ценность в бытово-литер<атурном> отношении. Напр<имер>, зарождение и «кочегарка» «Аполлона», борьба за освоения нового поэтического слова, начала будущего Гумилёва, Пунина, Коковцова²⁶ и т.д.

²³ См. его письмо к Е.Я. Архиппову от 2 августа 1928 г. – Дмитрий Усов. «Мы сведены почти на нет...». Том 2, стр. 521.

²⁴ РНБ. Ф. 474. Ед. хр. 3.

²⁵ Имеется в виду прозаик Михаил Эммануилович Козаков (1897–1954), с 1932 г. – председатель правления Ленинградского отделения Всесоюзного Союза Писателей.

²⁶ Николай Степанович Гумилев (1886–1921) был учеником Анненского в Николаевской царскосельской мужской гимназии в 1903–1906 гг. См. перечень работ, затрагивающих их взаимоотношения, в комментариях А. И. Червякова в кн.: И. Ф. Анненский. *Письма*. Том II. 1906–1909 (С.-Петербург: Изд-во им. Н.И. Новикова, 2009), стр. 377–379. Искусствовед и художественный критик Николай Николаевич Пунин (1888–1953) был сыном врача той же гимназии Н.М. Пунина,

А письма Анненского о различных явлениях и событиях в области литер<атурно>-общественной жизни и искусства – действительно в некоторых случаях носят исключительный характер. Напр<имер>, о Религиозно-философск<ом> Обществе,²⁷ о «Черных масках» Андреева и мейерхольдовщине²⁸ и т. д.

В смысле написания, или вернее – опубликования моей работы, – меня так остро интересует не только, конечно, материальная сторона дела – (размер заработка, конечно, таков, что окончательно не интересоваться им я тоже не могу!), – но и то обстоятельство, что я *должен* все это обнародовать, пока еще носят ноги! Конечно, многое из моего материала могло бы быть выявлено и после моей смерти, – но полностью, целиком, с правильными постановками и дешифровками *без меня* этого не может сделать никто. И не только потому, что многое из моего архива никуда из семьи не уйдет, а и потому, что все те пробелы, которые могут встретиться, – могут быть восполнены *только моею памятью!*

Считаю я работу свою важной не только в качестве «воспоминаний» (мало ли их!), а потому, что она *сплошь и густо* прослоена подлинным документом, характеризующим литерат<урно>-бытовую эпоху – не последнюю по своей интересности...

Многое – кусками – у меня сделано, но вплотную засесть за связь этих кусков, за беловое воспроизведение книги – Вы поймете сами – невозможно без определенной уверенности, что ты выполняешь обеспеченный заказ, а не пишешь книжку для утешения родственников и добрых друзей.....

Сердечно Ваш А<нненский>-Кр<ивич>.

окончил ее в 1907 г.; оставил мемуарные записи об Анненском. См.: А.В. Лавров, Р.Д. Тименчик, «Иннокентий Анненский в неизданных воспоминаниях», *Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1981* (Ленинград: Наука, 1983), стр. 120, 137–138; *Иннокентий Анненский глазами современников*, стр. 396–397; Н.Н. Пунин, «Фрагмент из воспоминаний, написанных в середине сороковых годов, по дневникам 1904–1906 гг.». Публикация А.Г. Каминской, Н.Л. Зыкова и П.Л. Зыкова, *Иннокентий Анненский (1855–1909). Жизнь – творчество – эпоха: Материалы научной конференции. Санкт-Петербург, 12–14 октября 2015 г.* (Москва: Азбуковник, 2016), стр. 69–86. Поэт Дмитрий Иванович Коковцев (Коковцов; 1887 – не позднее 14 июля 1918) окончил Николаевскую царскосельскую гимназию в 1906 г., был одноклассником Гумилева.

27 Религиозно-философское общество в Петербурге начало свою деятельность осенью 1907 г. Кривич, вероятно, подразумевает письмо Анненского к Т.А. Богданович (6 февраля 1909 г.; см.: И.Ф. Анненский. *Письма*. Том II, стр. 279–280), в котором, однако, идет речь о заседании С.-Петербургского Литературного общества.

28 Дрaму Л.Н. Андреева «Черные маски», опубликованную в *Литературно-художественных альманахах издательства «Шиповник»*. Кн. 7 (С.-Петербург, 1908), Анненский характеризует в письме к А. Н. Анненской от 16 декабря 1908 г.; в том же письме упомянуты «руки декораторов, бутафоров, Мейерхольдов». – И.Ф. Анненский. *Письма*. Том II, стр. 236–237.

К письму приложен следующий проспект будущей книги:²⁹

*Иннокентий Анненский по семейным воспоминаниям
и рукописным материалам
Работа Валентина Кривича*

Ученый и один из примечательнейших писателей конца XIX века и начала XX века, поэт – оказавший большое влияние на целый ряд позднейших поэтов, «либеральный» педагог-администратор, боровшийся с мракобесием просветительного ведомства и спасший не одну молодую жизнь, наконец – человек сложнейшего и интереснейшего внутреннего мира, сочетавший – казалось бы – несочетаемые черты и особенности, – Иннокентий Анненский до сих пор биографически не выявлен. Далеко не выявлены и особенности его творчества.

Работа моя строится, с одной стороны – на основе личных, как сына, воспоминаний и записей – (29 лет мы прожили вместе) – а с другой – по имеющемуся в моем исключительном распоряжении обширнейшему архивному и вообще рукописному материалу, нигде не опубликованному и состоящему из записных и путевых книжек И. Ф. А., его дневниковых набросков, рукописей, заметок, планов работ и чтений, писем его и к нему по вопросам литературы, искусства, науки, общественной жизни и др.

Поставляя в центр работы, конечно, И. Ф. А., я вместе с этим широко используя, т<ак> ск<азать>, материал его окружения, его эпохи.

В числе лиц, проходящих по страницам моей работы, назову: *Ник. Анненского, А.Н. Анненскую*,³⁰ *Богдановичей, Анг. и Т.*,³¹ *Блока, Волошина, Головина, Вяч.*

-
- ²⁹ Фрагмент этого текста приведен в работе: А.В. Лавров, Р.Д. Тименчик, «Иннокентий Анненский в неизданных воспоминаниях», стр. 66. Там же излагаются планы мемуарной книги, зафиксированные Кривичем в письме к Е.Я. Архиппову от 23 октября 1929 г. (РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 55) и в его записке, представленной В.Д. Бонч-Бруевичу в феврале 1933 г. (РГБ. Ф. 369. Карт. 375. Ед. хр. 9). Ниже в тексте проспекта общеизвестные литературно-художественные имена не поясняются; идентифицируются среди них лишь лица, представлявшие большие семейные гнезда.
- ³⁰ Старший брат Анненского Николай Федорович Анненский (1843–1912), статистик, журналист, публицист, общественный деятель из народнических кругов, и его жена (с 1866 г.) Александра Никитична Анненская (урожд. Ткачева; 1840–1915), детская писательница и переводчица, автор литературных биографий, педагог; двоюродная сестра Н.Ф. и И.Ф. Анненских.
- ³¹ Ангел Иванович Богданович (псевдоним – А. Б.; 1860–1907), критик, публицист, фактический редактор журнала *Мир Божий* (с 1895 г.), и его жена Татьяна Александровна Богданович (урожд. Криль; 1872–1942), племянница А.Н. Анненской, двоюродная племянница Н.Ф. и И.Ф. Анненских; журналистка, переводчица, детская писательница.

Иванова, первомартовца Емельянова,³² Верховского,³³ Бакста, Зелинского, Форш, Толстого,³⁴ N. Deniker'a (фр<анцузский> поэт),³⁵ Петрова-Водкина, Гумилева, Гаршина,³⁶ Пунина, Римского-Корсакова, Маковского,³⁷ Ткачева,³⁸ Вейнберга, Балакирева, Озаровского, Мусину,³⁹ «священника Аггеева»,⁴⁰ Солозуба, Деларова,⁴¹ Чуковского, Фейгина и Вигилянского (поэты 80-х годов)⁴² и мн. др.

- 32 Иван Пантелеймонович Емельянов (1860–1915) – сын псаломщика, воспитывавшийся в 1870-е гг. в семье Н.Ф. и А.Н. Анненских; член «Народной воли», за участие в убийстве Александра II 1 марта 1881 г. был приговорен к пожизненной каторге, с 1895 г. –сылыбно-переселенец. Подробнее о нем см.: А.В. Лавров, Р.Д. Тименчик, «Иннокентий Анненский в неизданных воспоминаниях», стр. 79–80 (воспоминания Т.А. Богданович), стр. 133–134.
- 33 Юрий Никандрович Верховский (1878–1956) – поэт, переводчик, историк литературы.
- 34 Граф Алексей Николаевич Толстой (1882–1945) – прозаик, поэт, драматург.
- 35 Никола Деникер (1881–1942), автор единственной книги стихов (*Poèmes*, 1907), был одним из сыновей сестры Анненского Любови Федоровны (в замужестве Деникер) и ее мужа Жозефа Деникера.
- 36 Евгений Михайлович Гаршин (1861–1931) – педагог, историк литературы, публицист; младший брат Вс. М. Гаршина.
- 37 Сергей Константинович Маковский (1877–1962) – сын живописца К.Е. Маковского; поэт, художественный критик, редактор журнала *Аполлон* (1909–1917).
- 38 Андрей Никитич Ткачёв (1843–1911) – юрист, общественный деятель, депутат III Государственной думы от Псковской губернии; брат А.Н. Анненской и революционера-народника П.Н. Ткачёва.
- 39 Юрий (Георгий) Михайлович Озаровский (1869–1924), актер и режиссер Александринского театра, театровед, и его жена, актриса Дарья Михайловна Мусина (Мусина-Пушкина, в первом браке Глебова, во втором Озаровская, в третьем Апушкина; 1873–1947), исполнявшая главную роль в трагедии Еврипида «Ифигения – жертва» в переводе Анненского (преьера 16 марта 1900 г. в зале Павловой, Петербург).
- 40 Константин Маркович Аггеев (1868–1921) – православный священник, религиозный публицист, имевший сильное духовное влияние на Е.М. Мухину, конфидентку Анненского; автор книги *Христианство и его отношение к благоденствию земной жизни: Опыт критического изучения и богословской оценки раскрытого К.Н. Леонтьевым понимания христианства* (Киев, 1909). Письмо Аггеева к Анненскому от 6 февраля 1909 г., сопроводительное к его работе о Леонтьеве, цитирует Кривич в своих мемуарных записках – *Иннокентий Анненский глазами современников*, стр. 105–106; см. также комментарии А.И. Червякова – И.Ф. Анненский. *Письма*. Том II, стр. 134–135.
- 41 Павел Викторович Деларов (Деляров; 1861–1913) – коллекционер; сослуживец Анненского-Кривича по Министерству путей сообщения.
- 42 Леонид А. Фейгин и Анатолий Павлович Вигилянский; последний упоминается Анненским в автобиографии как один из «покойных лириков», друзей его

В числе приводимых целиком и частично писем И. Ф. А. – к жене, сыну, Вяч. Иванову, академику Веселовскому, Анненским, Бородиной,⁴³ Богданович и др. (Значительная часть писем, имея своим предметом вопросы литературы, музыки и пр., – являются тоже своего рода «творческими страницами»).

В числе писем к И. Ф. А.:

Короленко, Блока, Веселовского, Волошина, [Вяч. Иванова], Толстого, Сологуба, Гуревич, «короля фр<анцузских> поэтов» Paul Fort'a,⁴⁴ Анненских, Маковского и мн. др.

В числе неопубликованных писаний И. Ф. А.:

«Об эстетическом критерии»,⁴⁵ «О будущем поэзии», «Об органной музыке», «О Пушкине», «О Вехах»,⁴⁶ заметки по вопросам поэтики, музыки, <об> итальянских музеях, о современных ему крупных поэтах и др., а также — ряд стихов, шуток, пародий и пр.

Работу я мыслю в трех небольших частях.

1) 1-й Петерб<ургский>, Киевский и 2-й Петерб<ургский> периоды.⁴⁷

молодости – см.: Иннокентий Анненский. *Книги отражений*. Издание подготовили Н.Т. Ашимбаева, И.И. Подольская, А.В. Федоров (Москва: Наука, 1979), стр. 495.

43 Анна Владимировна Бородина (урожд. Долженкова; 1858–1928) – жена инженера и ученого-железнодорожника А.П. Бородина, одна из постоянных корреспонденток Анненского. См. о ней комментарии А.И. Червякова – И.Ф. Анненский. *Письма*. Том I. 1879–1905 (С.-Петербург: Изд-во им. Н.И. Новикова, 2007), стр. 238–239.

44 Поль Фор (1872–1960) – французский поэт, драматург; провозглашен «королем поэтов» в 1912 г. Его письмо к Анненскому от 24 августа 1907 г. приводит Кривич в своих мемуарных записях – см.: *Иннокентий Анненский глазами современников*, стр. 90–93.

45 Текст несостоявшегося доклада Анненского «Об эстетическом критерии» (ноябрь 1909 г.) ныне опубликован Г.В. Петровой по материалам из его архива – «Из неопубликованных материалов архива И.Ф. Анненского (Предсмертные публичные выступления)», *Известия Российской Академии наук. Серия литературы и языка*. 2009. Том 68, №4, стр. 50–58; *Литературные манифесты и декларации русского модернизма* (С.-Петербург: Пушкинский Дом, 2017), стр. 538–540) – и А.И. Червяковым в кн.: И. Ф. Анненский. *Письма*. Том II, стр. 432–436.

46 Записи Анненского о «сборнике статей о русской интеллигенции» «Вехи» (Москва, 1909) Кривич включил в свои подготовительные материалы об отце. См.: А.В. Лавров, Р.Д. Тименчик, «Иннокентий Анненский в неизданных воспоминаниях», стр. 115; *Иннокентий Анненский глазами современников*, стр. 106–107.

47 Первый петербургский период: 1860–1891. Киевский период: 1891–1893. Второй петербургский период: 1893–1896.

В составе части: Деятельность и творчество на фоне той эпохи. – Истоки творчества. – Особенности внутренней организации И. А. – Детское и юношеское творчество. – Буд<ущий> первоартовец Ваня Емельянов. – Общественная среда и служебное окружение. – И. А. как предтеча символистов. – Близкие и друзья. – «Понедельники» Анненского. – Италия.⁴⁸ – Киев и киевляне. – Коллегия Галагана и урочище Разумовских.⁴⁹ – Начало работы над «Театром Еврипида». – «Рес» на сцене.⁵⁰ – Особенности педагогических установок и связь с учениками. – Литерат<урное> творчество и интересы 90-х годов.

II) Детское Село.⁵¹ – Время высшего напряжения творческой воли.

Этот период жизни – как главнейший этап. Бытовая и семейная обстановка. Два брата Анненских: Ник<олай> и Иннок<ентий>.

В составе этой части:

-
- 48 Путешествие в Италию (вместе с историком Е.Ф. Шмурло) Анненский совершил летом 1890 г.
- 49 Киевская Коллегия Павла Галагана была учреждена в память об умершем в отрочестве Павле Галагане (1853–1869) его родителями – Г.П. Галаганом и Е.В. Галаган. Анненский был директором Коллегии с января 1891 по октябрь 1893 г. Коллегии принадлежала, в частности, усадьба Покорщина на реке Остре близ города Козельца; ранее ею владела В.Г. Дараган, сестра братьев А.Г. и К.Г. Разумовских.
- 50 См.: *Рес*. Трагедия, приписываемая Еврипиду. Перевел с греческого стихами и снабдил предисловием Иннокентий Анненский (С.-Петербург, 1896); переиздание: Еврипид. *Трагедии. В двух томах*. Том II. Перевод Иннокентия Анненского. Издание подготовили М.Л. Гаспаров, В.Н. Ярхо (Москва: Ладомир – Наука, 1999), стр. 565–611. Постановка «Реса» была осуществлена 31 января и 2 февраля 1896 г. в здании петербургской 8-й гимназии под руководством Анненского, все роли исполняли гимназисты (Валентин Анненский – в ролях Афины Паллады и Киприды). См. заметку Анненского «“Рес” на гимназической сцене» (*Гермес*, 1909, №10 (36), 15 мая, стр. 367–369; подпись: И. А.), а также его письмо к С.Н. Сыромятникову от 7 февраля 1896 г. – И.Ф. Анненский. *Письма*. Том I, стр. 170–171.
- 51 Царское Село было переименовано в Детское Село декретом Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов от 7 ноября 1918 г. Анненский поселился в Царском Селе, будучи назначен директором Николаевской мужской гимназии (с 16 октября 1896 г.).

«Гимназия Анненского» на фоне жизни б. Царского Села. – «Пушкинские дни». ⁵² – «Ифигения» на сцене. ⁵³ – Ученики гимназии – будущие писатели и искусствоведы. Революция 1905 г. «Забавы» малых дворов (вел<икий> кн<язь> Владимир ⁵⁴). – И. Ф. А. – как бельмо на глазу М<инистерства> Нар<одного> Пр<освещения>.

Научная и творческая работа в эти годы. – Библиотека И. А. – Чтения и собрания у Анненского по вопросам искусства. – Бытовая дешифровка стихов 1-го Царскосельского периода. ⁵⁵ – Поездки за границу. Парижские встречи. – Журнал «Vers et Prose». ⁵⁶ – Поэт Paul Fort, поэт N. Deniker. – Фр<анцузское> поэтич<еское> общество «La Décade». ⁵⁷

Доклады И. А. в научных обществах по вопросам нового поэтического слова. – Борьба за это слово и «академическое» неприятие этих новшеств. – Работа по Еврипиду. – Свистопляска на верхах правительственного ведомства. – Служебные обострения. ⁵⁸ – М<инист>р Кассо. ⁵⁹ – «Ученого декадента» хотят «командировать на собаках за полярный круг».

-
- 52 Имеются в виду пушкинский праздник в царскосельском Китайском театре 27 мая 1899 г., на котором Анненский произнес торжественную речь в ознаменование 100-летия со дня рождения поэта (изданную отдельной брошюрой: *Пушкин и Царское Село*. С.-Петербург, 1899) и торжества по случаю открытия в Царском Селе 15 октября 1900 г. бронзового памятника А. С. Пушкину в Лицейском садике (скульптура Р.Р. Баха). Высеченные на пьедестале памятника с трех сторон пушкинские строки были выбраны Анненским. См.: А.В. Лавров, Р.Д. Тименчик, «Иннокентий Анненский в неизданных воспоминаниях», стр. 69, 123.
- 53 См. выше, примеч. 39.
- 54 Великий князь Владимир Александрович (1847–1909) – главнокомандующий гвардией и войсками Петербургского военного округа.
- 55 Видимо, под этим периодом Кривич подразумевает время директорства Анненского в царскосельской Николаевской гимназии (до января 1906 г.).
- 56 Ежеквартальный журнал литературы *Vers et prose*, начатый изданием в марте 1905 г. под редакцией Поля Фора (секретарь редакции – Андре Сальмон). См. комментарии А.И. Червякова в кн.: И.Ф. Анненский. *Письма*. Том II, стр. 5–6.
- 57 С литературным содружеством «Декада» («La Décade»; президент Г. Дюпире) Анненский познакомился в Париже в 1898 г.
- 58 Подразумевается пребывание Анненского (с 5 января 1906 г.) в должности инспектора Санкт-Петербургского учебного округа. Летом 1909 г. Анненский подал прошение об отставке, которое было удовлетворено 20 ноября.
- 59 Анахронизм: Лев Аристович Кассо (1865–1914) стал министром народного просвещения после смерти Анненского, с 25 сентября 1910 г. До него эту должность исполнял А. Н. Шварц (с 1 января 1908 г.).

Журнал свободной мысли «Перевал».⁶⁰ – Лиротрагедия «Лаодамия» и трагедия Сологуба «Дар мудрых пчел».⁶¹ – Новые пути в драматургии. – «Фамира-кифарэд». – Пение и музыка в жизни И. А.

Журнал «Аполлон». – И. Ф. А. в его центре.⁶² – Эпоха «Аполлона». — «Кипарисовый ларец» и его бытовая дешифровка.

Уход и смерть И. Ф. А.

III. Те цельные вещи Анненского, кот<орые> по характеру своему должны быть напечатаны отдельно.

Некоторая часть I части – была напечатана в 3-ей книге «Литературной мысли». Здесь она идет в переработанном заново и дополненном виде.

Ориентировочно – размер книги – 12–15 листов.

Проект содержания задуманной книги, представленный П.Н. Медведеву, – наиболее подробная и структурированная фиксация замысла воспоминаний об Анненском, включающих также материалы из архива поэта. В архиве Кривича сохранились и другие записи, имеющие отношение к этому начинанию.⁶³ Однако, книга, осуществленная в соответствии с приведенным проектом или хотя бы основанная на нем, написана не была; сохранились лишь черновые, с трудом читаемые фрагменты текста, не приведенные автором в какую-либо систему, несущие в себе характерные признаки беглой, предварительной записи, нуждающейся в дальнейшей

60 *Перевал. Журнал свободной мысли* выходил в Москве с ноября 1906 по октябрь 1907 г. под редакцией С.А. Соколова. Анненский опубликовал в нем статьи «Гейне и его “Романцеры”» (№4), «Бранд» (№10), три стихотворения (№11) и две рецензии (№4, 7). См. также комментарии А. И. Червякова – И. Ф. Анненский. *Письма*. Том II, стр.109–112.

61 Подразумеваются общий античный мифологический сюжет, ставший основой трагедии Анненского «Лаодамия», опубликованной в 1906 г., и трагедии Ф. Сологуба «Дар мудрых пчел», написанной в том же году до знакомства с произведением Анненского, – а также письмо Сологуба к Анненскому от 22 декабря 1906 г., написанное в этой связи – А.В. Лавров, Р.Д. Тименчик, «Иннокентий Анненский в неизданных воспоминаниях», стр. 120–121.

62 Об участии Анненского в создании петербургского журнала «Аполлон» в 1909 г. см.: И.Ф. Анненский, «Письма к С.К. Маковскому». Публикация А.В. Лаврова и Р.Д. Тименчика, *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год* (Ленинград: Наука, 1978), стр. 222–241; П.В. Дмитриев. *Литературно-художественный ежемесячник «Аполлон» (1909–1918): Очерки истории и эстетики* (С.-Петербург: Реноме, 2018), стр. 118–128.

63 Один из планов содержания отдельных разделов книги воспроизведен в работе: А.В. Лавров, Р.Д. Тименчик, «Иннокентий Анненский в неизданных воспоминаниях», стр. 67–68.

стилистической шлифовке и смысловых уточнениях и прояснениях. Среди этих записей практически отсутствуют те, которые в проекте Кривича представляются наиболее интригующими и многообещающими, – сведения о «бытовых» подтекстах, заложенных в образном строе стихотворений Анненского. Три более или менее связных мемуарных фрагмента опубликованы десятилетия спустя после кончины автора, последовавшей 31 марта 1936 г.⁶⁴

В приведенном письме к Медведеву Кривич откровенно признавался, что готов приступить к активной работе над книгой лишь после представления определенных издательских гарантий. Возможно, таковые не последовали. Но не менее вероятно, что он в глубине души осознавал, что надлежащее исполнение поставленной задачи – создание глубокого, многостороннего мемуарного образа Анненского – может оказаться ему не по плечу – и в силу ограниченности собственных творческих возможностей, и потому, что ему не была в достаточной мере раскрыта человеческая и поэтическая натура отца во всей сложности и прихотливости ее самовыражения. К тому же и внешние обстоятельства жизни не могли возбудить приливов литературного вдохновения. 25 марта 1926 г. Лукницкий записал после очередного разговора с Ахматовой: «Кривич – несчастный, голодный, нищий, придавленный. Жалко».⁶⁵ После этого Валентин Кривич прожил еще десять лет, в ходе которых все те черты его облика, которые отметил Лукницкий, только усугублялись.

Unacknowledged Legislators: Studies in Russian Literary History and Poetics in Honor of Michael Wachtel / Ed. by Lazar Fleishman, David M. Bethea, and Ilya Vinitsky. [Berlin etc.:] Peter Lang, 2020 (Stanford Slavic Studies. Vol. 50).

⁶⁴ См.: Там же, стр. 85–116; переиздание в измененной последовательности фрагментов: *Иннокентий Анненский глазами современников*, стр. 85–139.

⁶⁵ П.Н. Лукницкий. *Асимиана. Встречи с Анной Ахматовой*. Том II. 1926–1927 (Париж – Москва: YMCA-Press – Русский путь, 1997), стр. 89.